

МАТЕРИАЛЫ

И. Глуценко

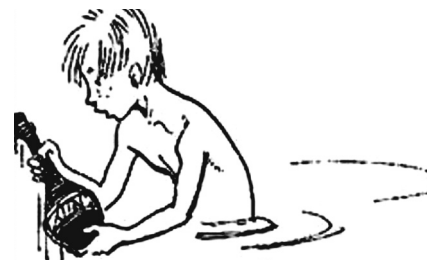
ПУТЕШЕСТВИЯ ЧЕРЕЗ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В КНИГЕ Л. ЛАГИНА «СТАРИК ХОТТАБЫЧ»

Повесть-сказка Л. Лагина «Старик Хоттабыч» начинается с прибытия в советскую реальность сказочного джинна, который попадает в Советский Союз из прошлого, после многовекового заточения в сосуде. Странствия героев (Индия, Крым, Италия, путешествие на ледоколе по Северному Ледовитому океану) позволяют, с одной стороны, через восприятие Хоттабыча создать эффект «очуждения» советской реальности, которая юным героям кажется естественной, а Хоттабычу, наоборот, — странной и противоречащей «нормальному» устройству мира. С другой стороны, сопоставление советской реальности с образами современного капиталистического мира, с которым герои сталкиваются, попадая в Индию и Италию, должно продемонстрировать преимущества советской системы. При этом сам Хоттабыч постепенно усваивает новые правила жизни и, в конечном счете, «советизируется». Эта советская сказка инкорпорирует в себя элементы таких классических форм европейской литературы XVIII–XIX вв., как «роман путешествий» и «роман воспитания».

Ключевые слова: Лазарь Лагин, «Старик Хоттабыч», детская литература, путешествие, время и пространство, советская реальность, журнал «Пионер», 1930-е гг.

Может ли детская сказка стать источником для историка? Как ни странно, может. Особенно если речь идет об истории культуры или повседневности. Художественное произведение, адресуясь к современникам, не только описывает те или иные жизненные явления, но и использует для этого своеобразную оптику, выделяя то, что кажется более значимым писателю, а следовательно, и читателю. Писатель, конечно, погружает нас в мир своей фантазии и вымысла. Но что делает этот вымысел убедительным и интересным для его аудитории? Порой чем более невероятные события случаются с героями, тем более подробно выписывается бытовой контекст, обстоятельства, мотивы поведения.

Именно поэтому про жизнь Москвы 1920–1930-х гг. можно узнать из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, а про работу советских научно-исследовательских институтов 1960-х годов — из фан-

«В его руках был скользкий, замшелый глиняный сосуд необычной формы...». Иллюстрация Г. Мазурина к книге Л. Лагина «Старик Хоттабыч» (1963)

тастической повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». И тем более ценна в этом отношении детская литература. Здесь авторы стремятся к максимальной конкретности бытовых и жизненных деталей; ситуации должны быть узнаваемы и правдоподобны для маленьких читателей¹.

Лазарь Лагин написал свою знаменитую сказку в 1938 г. Первая ее глава была напечатана в октябрьском номере журнала «Пионер». Тогда повесть была заметно короче, чем всем известный канонический вариант, и вся поместилась в трех последних номерах 1938 г.

Пионер Волька Костыльков находит в реке таинственную бутылку, в которой он надеется обнаружить клад. Советский мальчик не собирается присваивать сокровище, напротив, он хочет сдать его государству, веря, что про его поступок напишут в газетах. Руководствуется он не корыстью, а тщеславием. Между тем, в бутылке оказывается джинн, Гасан Абдуррахман ибн Хоттаб, которого Волька для простоты переименовывает в Хоттабыча. Оба героя — мальчик и старик — начинают странствие по советской реальности, в ходе которого Хоттабыч открывает для себя все новые чудеса, а Волька выступает в роли интерпретатора, формулируя для читателей и для самого себя преимущества советского образа жизни.

Путешествие Хоттабыча начинается во времени еще до того, как он перемещается в пространстве. Ведь он попадает в Советский Союз прямоком из древности и очень слабо ориентируется в переменах, произошедших за несколько тысяч лет. Конечно, древность Хоттабыча не историческая, а сказочная. Этот герой принадлежит прошлому, но прошлому изначально условному и вымышленному. Его предыстория содержится в арабских сказках «1001 ночи», к образам которых автор книги постоянно обращается.

Прошлое, откуда приходит Хоттабыч, не просто сказочное. Лагин постоянно подчеркивает в этом прошлом черты классового об-

щества, которое резко отличается от советского. Рабство, эксплуатация, власть, которую дают деньги, преимущества богатства над бедностью — таковы черты мироустройства, которое привычно старику. Именно поэтому Хоттабыч сталкивается с двойным потрясением: с одной стороны, его удивляют и пугают новинки техники — метро, кино, общественный транспорт, телефон, часы, с другой — еще более странными кажутся социальные отношения, царящие в волькиной стране. Общество, в котором живет Волька, характеризуется отсутствием классов, уважением к людям труда, равнодушием к богатству.

Хоттабыч «дарит Вольке дворцы и золото, драгоценные камни и слуг, караваны верблюдов и слонов, он даже готов его обеспечить любимыми титулами, от принца до шейха и султана. Но для Вольки, воспитанного в другой системе ценностей, это не представляет интереса. Его личные желания не столь глобальны, строго говоря, они даже мелочны, но в советском обществе эти мелочи приобретают большее значение, нежели все золото мира. Имея возможность попросить у Хоттабыча все, что угодно, он просит наручные часы, собаку, бинокль, велосипед и билет на ледокол «Ладога». Для него эти вещи обозначают статус человека, поскольку именно они являются отражением его собственных качеств — пунктуальности, сознательности, ответственности, интереса к науке и «знатности»², — пишет культуролог К. Литвинская [Литвинская 2013, с. 27].

Попробуем обрисовать контекст, в котором родилась эта сказка. В мартовском номере журнала «Пионер» за 1938 г. была напечатана передовица под названием «Приговор народа». Таких материалов в тогдашней прессе было множество: только что закончился Третий московский процесс. Дети, как и взрослые, должны были разделить весь ужас произошедшего.

Мы столько дней, сколько шел процесс «право-троцкистского блока», слушали, как кучка самых отъявленных негодяев из всех существовавших на свете, торговала нашей родиной, нашей матерью.

Мы слышали, как кучка самых гнусных тварей, которых стыдно назвать людьми, делила нашу прекрасную родину между японскими помещиками и польскими фашистами, за нашей спиной собиралась открыть ворота врагу, вытоптать нашу страну фашистскими сапогами, залить ее кровью советских людей, отравить ее чистый воздух удушливыми газами, вернуть гнусный и бесчеловечный строй капитализма, свергнутый двадцать лет назад.

[Пионер №1, с. 3–4]³

Авторы этих текстов не боялись эпитетов. Вчерашние партийцы и соратники Сталина вдруг превратились в «людское отребье», к тому же наделенное фантастической мощью.

Они «спускали под откос поезда, уничтожали горы продуктов. Они подбрасывали в масло битое стекло и ржавые гвозди, чтобы рвать внутренности советским людям». На детей это должно было производить сильное впечатление⁴.

Несколько месяцев спустя в том же журнале выходит повесть-сказка про доброго джинна. Первыми читателями сказки Лагина были те самые дети и подростки, которые только что услышали про ржавые гвозди, подброшенные злыми троцкистами в масло советским людям⁵.

Московский процесс закончился чуть больше полугода назад, но политическая обстановка уже изменилась. В марте 1938 г. нарком внутренних дел Н. И. Ежов еще в полной силе. На скамье подсудимых сидит его предшественник — Г. Г. Ягода. Выясняется, что предатели собирались отравить Ежова «ядовитыми испарениями». Завершение процесса трактуется как победа над «бешеными от бесильной злобы врагами», «секретной армией капиталистического мира». Победители в этом сражении — советская разведка и сталинский нарком Николай Иванович Ежов.

Но и самому Ежову оставалось недолго. Через несколько месяцев начнется опала. Осенью Берия будет избавляться от ежовских кадров, в ноябре на самого Ежова напишут донос, а в декабре он будет освобожден от обязанностей наркома внутренних дел «по собственной просьбе». Ежова сменил Лаврентий Берия.

Сказка Лагина публикуется в то самое время, когда Берия начинает расправу над организаторами московских процессов. Те, кто выбивали у подсудимых показания о стекле, подброшенном в сметану, уже сами находятся в застенках и признаются в несовершенных преступлениях. Первая часть «Хоттабыча» вышла, когда Ежов был уже в опале. Почудилось, что наступили другие времена. Задним числом этот краткий период советской истории назвали «бериевской оттепелью». Поваяло новым — казалось, Берия прекратит террор.

Дети, воображение которых было потрясено происшедшим вояж, раскроют журнал, увидят профиль какого-то бородатого старика в чалме и прочитают название первой главки: «Таинственная бутылка».

Реальность тех лет сама по себе во многом была фантастической. В мире советской пропаганды все время происходят превращения.

Герои превращаются в преступников, причем, как в сказке — сразу. Никаких психологических объяснений, переходных этапов, никакой предварительной истории. В детской сказке из лягушки может получиться царевна. Но здесь сказка злая — здесь бывает только наоборот. Да и советские плакаты призывают «сорвать с врага личину». И вот уже из-под симпатичной маски выглядывает зверская харя.

Но нельзя же все время пугать. Очень хочется страшной сказке противопоставить добрую, хотя бы на страницах детского журнала. Детям в ноябре 1938 г. очень нужно было прочитать именно про доброго джинна. Впрочем, в сказке Лагина развились сюжеты, которые и так уже присутствовали и в окружающем мире, и на страницах того же журнала.

Подшивка 1938 г. постоянно дает подобные котрапункты.

Вернемся в первый, январский, номер.

Здесь напечатано стихотворение С. Маршака «Дворец», посвященное тому, как бывший царский дворец при советской власти отдан ребятам.

Фонтанка плещется, как встарь.
Над ней стоит дворец.
Но в дом, где жил когда-то царь,
Пришел другой жилец.

Не видно у резных дверей
Расшитых золотом ливрей,
И золоченный царский трон
Давным-давно убрали вон.

...

В подвалах выросли отцы
Под бременем нужды,
А детям — царские дворцы
И царские сады.

[Пионер №1, с. 3–4]

Чуть позже дворцы появятся в «Хоттабыче». Там они избыточно роскошны. Хоттабыч пытается отблагодарить Вольку за то, что тот спас его из заточения, а непонятливому пионеру дворцы почему-то не нужны; он все будет уговаривать старика отдать их какому-то неведомому МКХ.

«Первый дворец был из драгоценного розового мрамора. Его восемь тяжелых резных дверей, изготовленные из сандалового дерева, были украшены серебряными гвоздями и усыпаны серебря-

«Помилуй нас, о могущественный владыка!» Г. Мазурин. Иллюстрации к изданию 1963 г.

ными звездами и ярко-алыми рубинами. Посреди третьего дворца был просторный бассейн, а в нем плескались золотые рыбы, каждая величиной с доброго осетра». В этом вычурном описании проглядывают и образы Маршака. Буквальное совпадение: «резные двери». Фонтанка, которая плещется, превратилась в «просторный бассейн». Плещутся же в ней рыбы.

В этом же номере фотография «Ледокол Иосиф Сталин». В журнальной редакции «Хоттабыча» ледокола не будет, но в книге (1940 г.) появится «ледокольный пароход «Ладога».

Февральский номер полон папанинцами.

В марте все проходит под знаком Третьего московского процесса.

В апрельском номере рассказывается про Куликовскую битву, про Вальтера Скотта, про то, как устроен катер, что такое бокс, как работают пожарные.

В пятом, майском номере, наряду с повествованием Е. Тарле «Державы древнего мира: Рим и Карфаген» и сказкой Андерсена «Снежная королева», кусочек из современной жизни — рассказ о том, как передвигали дома на улице Горького. Пионеры Алик Розенштейн и Вова Чебанюк из Москвы написали в журнал письмо: «Мы живем на новом месте».

Чтобы сделать улицу широкой, — пишут они, — решили снести все дома с правой стороны улицы Горького. Должны были сломать и наш

дом. Но он такой большой и красивый, что ломать его было жалко, решили его просто отодвинуть назад. <...> Дом двигался со скоростью восемь метров в час, поэтому никто не замечал, что он движется. Наш дом переезжал три с половиной дня.

[Пионер №5, с. 121]

В сказке «Старик Хоттабыч» дом все же решено сломать. И опять же затем, чтобы на его месте построить «дворец».

— А знаете, товарищи, наш дом скоро будут сносить.

— Прошу прощения, превосходнейший отрок, не скажешь ли ты мне, что значит «сносить дом»? — осведомился Хоттабыч.

— Ну, ломают.

— А зачем, прости мне мою назойливость, будут ломать твой дом?

— То есть как зачем? Чтобы построить на его месте новый дом, дом-дворец. Это не только наш дом ломать будут, — добавил он с гордостью, — в нашем переулке сразу четырнадцать домов ахнут. Заодно уж и переулок расширят. Давно пора.

[Лагин 1940, с. 46]

Хоттабыч воспринял слова Жени слишком буквально.

Еще полчаса назад по левую сторону его стояли четырнадцать мрачно-ватых, серых многоэтажных домов, похожих на огромные кирпичные ящики. Сейчас на их месте возвышались сверкающие громады четырех белых мраморных дворцов.

[Там же, с. 46]

В июньском номере неожиданно вступает мотив из «1001 ночи». Школьникам предлагают арабскую сказку «О горбуне и молчаливом цирюльнике».

Уже тепло.

Здесь же материал Н. Ильиной про «Цирк».

Гремит особенный, бравурный цирковой оркестр, все залито светом, публика, весело переговариваясь, отыскивает свои места, пахнет опилками, пудрой и конюшной. Дети волнуются и смотрят на арену: «Скорей, скорей!» И вот выстраивается униформа, выбегают разноцветные клоуны, один номер сменяет другой. Пестрые шарики оживают в руках жонглера... Коричневый пес «Шайтан» по знаку Дурова садится за парту и решает задачки. С бешеной скоростью кувыркаются акробаты. И впереди восьмерки лошадей, кося лукавым глазом, выбегает на арену «Партизан» [Пионер №6, с. 101]. Еще чуть-чуть и этот цирк перейдет в повествование о джинне:

Вскоре выбежали униформисты в ярких, расшитых золотом ливреях и выстроились по обе стороны выхода на арену. Шпехштальмейстер зычным голосом объявил начало представления, и «первым номером обширной программы» выехала на арену наездница, вся усыпанная блестками, как елочный дед-мороз. <...> За наездницей последовали акробаты, за акробатами клоуны, за клоунами — дрессированные собачки... за собачками жонглеры и прыгуны.

[Пионер №12, с. 104]

В июле «Пионер» публикует статью К. Оганесова «История футбола».

Сейчас в разгаре летний спортивный сезон, и после долгого зимнего перерыва футбол опять вступил в свои права. В дни матчей стадионы, как магнит, притягивают тысячи и тысячи зрителей, и трибуны заполнены шумной человеческой толпой.

[Пионер №7, с. 33]

В книжной редакции 1953 г. «Старика Хоттабыча» мы найдем то же настроение:

В дни футбольных матчей все население Москвы разбивается на два не понимающих друг друга лагеря. В одном из лагерей — энтузиасты футбола. В другом — загадочные люди, абсолютно равнодушные к этому увлекательному виду спорта.

[Лагин 1963, с. 161].

В августе, кажется, еще теплее. Героем рассказа И. Василенко выступает амфора.

Утро было превосходное: ласковое, солнечное, тихое <...>. Из маленького флигелька, стоявшего в глубине двора, вышел Сергей...

[Пионер №8, с. 3]

Как близко уже до начала сказки Л. Лагина:

В семь часов тридцать две минуты утра веселый солнечный зайчик проскользнул сквозь дырку в шторе и устроился на носу ученика пятого класса Вольки Костылькова. Волька чихнул и проснулся.

[Пионер №10, с. 62].

В «Амфоре» тем временем происходит вот что:

В куче свеженакопанной земли на боку лежал большой с двумя ручками кувшин. Дед слегка толкнул его босой ногой, и из горлышка с коротким звяканьем один за другим стали выкатываться желтые, тускло

поблескивающие кружочки.
Все обступили амфору.

[Пионер №8, с. 13].

От амфоры до таинственной бутылки остался всего один шаг.

В сентябре номер полон пожеланиями папанинцев к новому учебному году. Тут присутствуют все лагинские мотивы: география, под-сказка, радио, учеба. Сам Папанин напутствует школьников: «Ну, ребята, за книжку, за парту... Надеюсь, вы не в обиде на нас, что мы вам в этом году работы по географии прибавили, стерев одно из белых пятен на карте. Зато теперь северный полюс заговорил, и его легко найти даже на «немой» карте» [Пионер №8, с. 3]. Волька, как известно, пострадает из-за подсказки по географии и опозорится перед своими товарищами.

И вот, наконец, в десятом, октябрьском, номере: «Л. Лагин. Старик Хоттабыч. Рисунки К. Рогова. Таинственная бутылка». Впрочем, джинн появляется только на шестьдесят второй странице журнала. Что прочитал школьник в октябрьском номере до того, как открыл сказку Лагина?

Октябрьский номер журнала «Пионер» открывается портретом И. В. Сталина и А. В. Косарева. Заметим, что Первый секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Васильевич Косарев будет арестован 28 ноября, а 23 февраля 1939 г. — расстрелян. Иными словами, до низвержения комсомольского лидера оставалось около месяца, и уже к следующему номеру «Пионера» он будет переключен на врага народа.

Понятно, почему возникает Косарев: в октябре празднуется 20-летие комсомола. Здесь и статья «Комсомолу 20 лет», и рассказ «пионера-орденоносца Миши Кулешова «Наше звено» и стихотворение некоего Коли Доризо «Мечты»⁶.

Я хотел бы стать пилотом,
Взвиться над страной.
Вот лечу я над столицей,
вон — Москва-река,
Я крылом могучей птицы
Режу облака

[Пионер №10, с. 21].

Тема полета над Москвой и над советской страной присутствует во многих произведениях 1930-годов. Это и живопись, и кино. Неудивительно, что летать будут и Волька с Хоттабычем, правда —

«Волька, не успев даже пикнуть, соскользнул с ковра в бездну...»
Г. Мазурин. Иллюстрация к изданию 1963 г.

на ковре-самолете.

Завершает журнал раздел «Самodelки». В октябре ребятам предлагают смастерить вращающуюся полочку. «Эта полочка очень удобна для приготовления уроков. В ее отделения вы можете заранее поставить книги и учебники по предметам» [Пионер №10, с. 125]. Полочку предстоит смастерить тем же ребятам, на которых через три года обрушится война. На обложке номера, как некое прочтение, картина художника И. Гурвича «Будущий артиллерист».

Волшебный старик оказался вписан именно в ту повседневность и столкнулся именно с теми сюжетами и обстоятельствами, в которых жили и взрослые, и дети того времени. И когда Хоттабыч клеймит грубых клиентов парикмахерской, которые насмеяются над волькиной бородой, «презреннейшие из презренных, глупейшие из глупцов! Вы, смеющиеся над чужими несчастьями, подтрунивающие над косноязычными, находящие веселие в насмешках над горбатыми, разве достойны вы носить имя людей?», это подозрительно напоминает стилистику передовицы про врагов народа.

В последующих версиях книги путешествие во времени дополняется путешествием в пространстве. По мере того, как автор перерабатывал книгу, от издания к изданию, этих путешествий становилось все больше.

В первом, журнальном, варианте Хоттабыч рассердился на Женю и отправил его в Индию, чтобы он попал там в рабство. Однако мы ничего не узнаем об этом путешествии. Лагин не сообщает нам подробностей, говоря лишь, что Женя действительно был в Индии рабом, но «вел себя там так, как надлежит вести себя в условиях жестокой эксплуатации юному пионеру». Писатель уклончиво замечает, что сам он «ни разу не обострил своих отношений с вице-королем Индии. А рассказ Жени Богорада некоторые придирчивые иностранные дипломаты постарались бы определить как вмешательство во внутренние дела Индии — жемчужины Британской короны» [Пионер №11, с. 104].

В версии 1952 г. Женя подробно описывает свои злоключения. И «большущий сарай из бамбуковых палок», где он сидел, и людей в чалмах, которые били его палками по спине и грубо волокли во двор, а во дворе уже стоял покупатель, который пришел покупать Женю! Женя, конечно, возмутился: «В чем дело? — воскликнул он. — Я свободный советский человек». Однако на работорговцев это не произвело никакого впечатления. «Тут тебе, болван, не Советский Союз, — ответил один из них, — а британское содружество наций, и ты не свободный человек, а мой раб» [Л. Лагин 1952, с. 66]. Эта Индия не сильно отличается от мира Хоттабыча. Здесь в самом деле существуют колониализм и рабство, хотя Индию, конечно, оклеветали. Рабства в Британской Империи не было.

В редакции 1955 г. мы видим совсем другую Индию. Женю — советского мальчика — принимают в деревне со всем радушием. Да, деревушка бедная, и люди там худые и поджарые, но посланца советской страны встречают торжественно, как героя.

— Кто ты такой? — сухо осведомился у Жени погонщик слонов. — Англичанин? Португалец? Американец?

— Что вы! — отвечал ему Женя на ужасном английском языке. — Я русский... Руси. — Для верности он ткнул себя в грудь. — Хинди, руси — пхай-пхай...

Что тут с погонщиком сделалось!

Лицо его расплылось в широчайшей улыбке, и он закивал головой с такой силой, что тюрбан только чудом не слетел наземь. Затем он заставил своего слона стать на передние колени, взял Женю к себе, и вся кавалькада, торжественно покачиваясь, продолжала свой путь к деревне.

По дороге им встретилось несколько ребятишек. Погонщик им что-то прокричал. Ребята раскрыли рты и вытаращили глаза, упиваясь лицемерием живого, самого натурального советского мальчика. По-

том они с пронзительными воплями, приплясывая на бегу, кинулись сломя голову в деревню, и, когда туда прибыл на головном слоне ученик седьмого «Б» класса 124-й московской средней школы Богорад Евгений, на единственную улочку деревни уже высыпало все наличное население от мала до велика.

[Л. Лагин 1963, с. 81]

В редакции 1940 г. Лагин отправляет героев повести в Италию. Здесь царит бедность, безработица, у власти фашисты. Пейзаж тоже нерадостен. «Высокие, многоэтажные дома перемежались с не менее древними одноэтажными лачугами. Здесь было жарко и душно. По узким, грязным улочкам слонялось без дела много взрослых мужчин и женщин». [Л. Лагин 1940, с. 119].

Хотя Италия выглядит здесь, скорее, стереотипной капиталистической страной, как ее представляла советская пропаганда, выбор Лагина не случаен. Возможно, итальянский колорит позволял смягчить эффект пропаганды, сделав ее менее тягостной. «Такая сказочная Италия бедняков и богачей появляется во многих советских сказках послевоенной поры, — писал Александр Прохоров, анализируя сказку А. Толстого «Золотой ключик». — Например, Лазарь Лагин дописывает после войны приключения Вольки Костылькова и Хоттабыча в капиталистической Италии, где Хоттабыч сражается с американскими империалистами и их итальянскими пособниками. Примерно в таком же духе Италия изображена и в «Приключениях Буратино» [Прохоров 2008, с. 168].

Несправедливость, налоги, взяточничество, классовая борьба — сколь непохожа Италия на самую справедливую в мире советскую страну! В редакции 1955 г. на место Муссолини пришли американцы, но народ — простой итальянский народ — остался все таким же: бедным, веселым, честным.

В версии 1953 г. герои путешествуют и по нашей стране. Самым впечатляющим оказывается их пребывание в Сочи. Здесь — та же сказка, из которой прибыл Хоттабыч, но без рабства и эксплуатации. Роскошные, белоснежные, в колоннах дворцы санаториев, круглые фонтаны, вздымавшие пышные струи воды на высоту трехэтажного дома, мало чем отличаются от даров джинна, а отдыхающие — знатные советские люди — от шейхов. Обыкновенный, по мнению мальчиков, санаторий имени Орджоникидзе кажется Хоттабычу владениями богатейшего и могущественнейшего владыки.

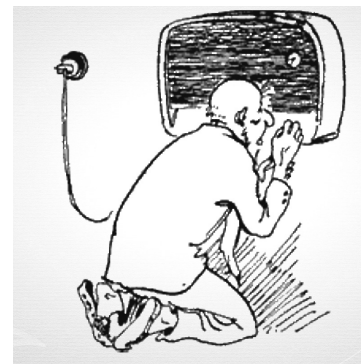
Тем более, что вскоре появляется рослый азербайджанец в роскошном темно-малиновом халате с бранденбурами. Хоттабыч

смертельно пугается. Восточное имя незнакомца, Джафар Али Мухаммедов, конечно, сбивает Хоттабыча с толку. Но дело не только в имени: дворец и вся статья азербайджанца подсказывают джинну, что перед ним не меньше, чем султан. Однако Мухаммедов обижается. Какой же он султан? Он нормальный советский человек, буровой мастер, говорит он приосанившись.

Собеседник Хоттабыча и в самом деле оказывается человеком знатным. Только, к своему изумлению, джинн обнаруживает, что в советской действительности знатность определяется не происхождением, а успехами в труде. Эта тема разовьется в полной мере в последней редакции повести в главе «Знатные люди нашей Родины». Волька проводит с Хоттабычем политинформацию, объясняя, как стать знатным человеком в СССР.

«Советские рабочие <...> успешно создают одно новое море за другим, тогда как для Хоттабыча это является прерогативой аллаха. Про них пишут в газетах, а заголовки гласят: «Славные творцы морей». Именно они являются элитой советского общества, новыми «знатными» людьми, — пишет К. Литвинская. — В споре о знатности, который, кстати, не встречается в редакции 1938 года, между Волькой и Хоттабычем возникают существенные разногласия. Оказывается, что для старого джинна знатность — это, прежде всего, титул, который обозначает, что человек владеет властью и богатством, например, принцы, шейхи, султаны. В то же время для Вольки это «простые советские рабочие», например, Чутких, один из лучших в стране мастеров суконной промышленности, Лунин, лучший паровозный машинист, Паша Ангелина, знаменитая трактористка. Для Хоттабыча немислимо, чтобы женщина была знатной наравне с мужчинами, поэтому он тут же спрашивает у Вольки, а чьей женой является Ангелина, что она «знатнее шейхов и королей»? Но для Вольки это странный вопрос, ведь в Советском Союзе царит равенство, а знаменитым рабочим, стахановцем, может стать любой» [Литвинская 2013, с. 33].

Герои повести путешествуют на сказочных и реальных транспортных средствах: на ковче-самолете, самолете в виде огурца, паруснике, а также поезде и даже ледоколе. За время этих путешествий Хоттабыч сильно меняется: сопоставление советской реальности с образами современного капиталистического мира, с которым герои сталкиваются, попадая в Индию и Италию, должно продемонстрировать преимущества советской системы. Старый джинн постепенно

«Случилось непоправимое: старик до самозабвения увлекся радио. «Г. Мазурин. Иллюстрация к изданию 1963 года»

усваивает новые правила жизни и в конечном счете «советизируется». Он овладевает грамотой, становится футбольным болельщиком, увлекается радио, читает Волькин учебник по географии и усваивает современные, научные представления о мире. В конце он хочет устроиться на работу, вот только анкета у него подкачала... «Всесильный джинн становится советским обывателем, доминошником, радиолобителем и читателем советской прессы, не отличаясь от старичков на дворе. Вот те раз. Насколько грустный конец сказки», — говорит кинорежиссер Олег Ковалов⁷.

О бессилии джинна перед советской бюрократической системой пишет и арабский филолог Абдул Хусейн Омраан: «Компромиссы героя с реальностью отражают положение в советском социуме индивидуума, обладающего неординарными способностями, но вынужденного из-за подробностей биографии “бывшего”, даже самой нелепой и фантастической, подстраиваться к требованиям, “единным для всех”. <...> В условиях советского социума даже джинну не по силам полностью игнорировать отжившее, бюрократическое, косное, — то, что требуется преодолеть, чтобы стереть стереотипы, отделяющие одну культуру от другой» [Омраан 2012, с. 12].

Меняются и взрослеют мальчики: они перевоспитывают Хоттабыча, но перевоспитываются и сами. Объясняя ему преимущества советского строя, они сами лучше осознают достижения страны, в которой живут. Волька честно пересдает географию, отучается от хвастовства, а Женя окончательно решает стать врачом и готовится к поступлению на медицинский факультет.

Так, советская сказка инкорпорирует в себя элементы таких классических форм европейской литературы XVIII–XIX вв., как «роман путешествий» и «роман воспитания». Мысль о сходстве этих

жанров, конечно, не нова. Об этом писала, в частности, К. Кларк [Кларк 2008]. Многие отечественные исследователи также отмечают эту особенность: «С тех пор как детская литература существует как особая отрасль, в ней используются сюжетные и жанровые модели, взятые из «взрослой» литературы, — авантюрный роман, роман воспитания, детектив», — писал Илья Кукулин, выстраивая литературные параллели между образцами классических жанров и романом Н. Носова «Незнайка на Луне» [Кукулин 2008, с. 237].

Но заметим, что проникновение этих жанров в литературную сказку более чем показательно и свидетельствует о целостности литературных процессов, в которых жанровые формы воспроизводились в каком-то смысле стихийно. Может быть, дело в том, что подобную логику диктовала сама реальность. В свое время Андрей Синявский писал про удивительную страсть советского государства к нравоучениям. Просветительский пафос интеллигенции начала XX в. деградировал до уровня занудного дидактизма. Но стремление государства учить и поправлять поведение своих граждан осталось как неизбежный элемент идеологии и коллективного сознания в советском обществе: «...психологию “старого человека” можно и необходимо уже сейчас изменять путем перевоспитания, путем упорного общественно-морального воздействия. Поэтому советская власть не только жестока, но и очень скучна и дидактична в своей идейно-воспитательной работе. Эта власть все время читает нотации и своим гражданам, и всему миру... Советская цивилизация принимает нравоучительно-дидактический образ. Государственная власть воспитывает, прорабатывает, наставляет и поучает людей. Это — соединение тюрьмы со школой, причем со школой для трудновоспитуемых или дефективных детей» [Синявский 2001, с. 157].

Но, с другой стороны, и образование, и воспитание — это до известной степени авторитарный процесс. Вполне закономерно, что если советское общество, особенно в 1930-е годы, мобилизовало авторитарный потенциал для воспитания собственных граждан, то и литература, тем более, детская, не только стремилась воспитывать читателей, но и постоянно *перевоспитывала* собственных героев.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В 1957 г., на волне «оттепели», Лагин начинает писать повесть «Голубой человек», которая будет закончена к 1964 г. Здесь вновь присутствует не оставлявшая его идея о путешествии во времени, только направление здесь обратное: если Хоттабыч попадает в «счастливую» страну из несправедливого прошлого, то главный герой повести «Голубой человек», студент Егор Антошин, необыкновенным образом возвращается в несправедливое и жестокое общество царской России из самой лучшей в мире страны, где уже построен социализм.

Антошин перемещается в Москву, которая вступает в новый 1894 год. Причем изначальное время действия книги обозначено как 1959 год. Автор, впрочем, спешит заверить читателей, что «путешествия во времени ни в прошлое, ни в будущее — с точки зрения науки вещь принципиально невозможная» [Лагин 1969, с. 38].

По отношению к истории Хоттабыча сюжет «Голубого человека» представляет собой движение вспять. Читатель вместе с героем ужасается своему прошлому, а также понимает, какую страну мы могли бы потерять, если бы не совершилась спасительная революция. Москва конца XIX в. предстает отсталым, темным жестоким, невежественным городом. «Антошин поднялся по ступенькам, открыл дверь в полутемную, вонючую подворотню и несколькими секундами позже вышел в новогоднюю Москву тысяча восемьсот девяносто четвертого года».

Вновь вступает болезненная для автора тема сословного и классового деления, над которой бьется Волька с непонятливым Хоттабычем. Путешествие во времени возвращает читателя в мир частного капитала. «По левую руку бронзового Пушкина, в знакомом трехэтажном доме с нелепым бельведерчиком, поблескивала большими цветными шарами знакомая ему с детства аптека. Но теперь она принадлежала не государству, а хозяину, частнику» [Лагин 1969, с. 42].

Однако для Антошина в той старой, архаичной Москве, уже прописывается счастливая Москва будущего, о котором знает пока он один. «А справа, сразу по выходе из Иверских ворот, новое кирпичное, цвета бычьей крови здание Городской думы... Будущий музей Ленина!» [Лагин 1969, с. 146]

Круг замыкается. Обе повести — ранняя и поздняя — словно обрамляют, закольцовывают дорогу для Лагина идею: советское государство драгоценно и его надо беречь.

Примечания

¹ Подробнее см. *Глущенко И.* «Советская повседневность через призму очуждения» // *Логос*, №2 (98), 2014. С. 157–166.

² *Литвинская К.* Отношение к деньгам и статусу в советском обществе на примере повести-сказки Л. Лагина «Старик Хоттабыч» (в редакции 1938 и 1956 гг.). Бакалаврская работа. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Факультет философии, Кафедра наук о культуре, 2013, рукопись. С. 27.

³ Здесь и далее цитируются выпуски журнала «Пионер» за 1938 год. В сносках будут указаны только их номера.

⁴ Конечно, нельзя исключить, что чтение могло быть выборочным: дети пропускали политические тексты и сразу читали художественную прозу. Однако даже если это допущение применимо к определенному кругу читателей, очевидно, что в большинстве случаев дело обстояло иначе. Журнал «Пионер», формировавшийся командой главного редактора Бориса Ивантера, пользовался большой популярностью именно как таковой, а не только за счет отдельных текстов, время от времени в нем появляющихся. Ивантер и его коллеги — А. Гайдар, К. Паустовский и Р. Фраерман, Л. Кассиль, К. Чуковский, С. Маршак, Н. Асеев — делали, говоря современным языком, целостный журнальный проект, элементы которого были взаимосвязаны. Но даже если предположить, что некоторые читатели пропускали политические тексты как неинтересные, они вряд ли могли изолировать себя от общей обстановки в стране, от воздействия радио, газет, школы и разговоров взрослых, где обсуждались те же темы.

⁵ Здесь же, среди прочего, стихотворение мальчика Мурику Ваксмахера о том, как враги убили Горького. Не станет ли этот мальчик впоследствии известным перредодчиком и критиком Морисом Ваксмахером? В 1938 г. московскому школьнику Мурику 12 лет.

⁶ Полагаю, что этот Коля станет впоследствии известным советским поэтом Николаем Доризо. В 1938 ему 15 лет.

⁷ Вайль П. Старик Хоттабыч. <http://www.svoboda.org/content/transcript/24204545.html>.

Источники

Лагин Л. Старик Хоттабыч М.-Л., 1940.

Лагин Л. Старик Хоттабыч. М.-Л., 1952

Лагин Л. Старик Хоттабыч. М.-Л., 1953

Лагин Л. Старик Хоттабыч. М.: Детгиз, 1963.

Лагин Л. Голубой человек. М.: Советский писатель, 1969.

Исследования

Глущенко И. Советская повседневность через призму очуждения // *Логос*. №2 (98). 2014. С. 157–166.

Кларк К. Советский роман: История как ритуал / Пер. с англ. под ред. М. Литовской. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.

Кужулин И. Игра в сатиру, или невероятные приключения безработных мексиканцев на Луне / Веселые человечки: культурные герои советского детства. М.: НЛЮ, 2008.

Литвинская К. Отношение к деньгам и статусу в советском обществе на примере

повести-сказки Л. Лагина «Старик Хоттабыч» (в редакции 1938 и 1956 гг.). Бакалаврская работа. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет философии, кафедра наук о культуре. 2013. Рукопись.

Омраан А. Х. Аксиологические модели авторских сказок в русской литературе конца 1930-х — 1950-х гг. (Л. Лагин, А. Волков). Автореферат дисс... Воронеж — 2012.

Прохоров А. Три Буратино. Эволюция советского киногероя/ Веселые человечки: культурные герои советского детства. М.: НЛЮ, 2008.

Старик Хоттабыч [Электронный ресурс] // Старик Хоттабыч URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24204545.html> (дата обращения: 28.08.2015)

Синяевский А. Основы советской цивилизации. М.: «Аграф», 2001.

Чудакова М. О. Новые работы. 2003–2006. М.: Время, 2007.